

Игорь Буторин

Афоня, или
Путешествие
тверского купца
Никитина до Древа
желаний

Сказка для взрослых

Игорь Буторин

**Афоня, или Путешествие
тверского купца Никитина
до Древа желаний.
Сказка для взрослых**

«Издательские решения»

Буторин И.

Афоня, или Путешествие тверского купца Никитина до Древа желаний. Сказка для взрослых / И. Буторин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740434-5

Молодой тверской купец Афанасий Никитин находит древнее родовое завещание с картой, на которой отмечен маршрут к Древу желаний в Индии. Ее выкрал из библиотеки Царьграда пращур Никитиных — храбрый берсерк Ингвар. В путешествие Афоня берет с собой философствующего медведя Зигмунда. Разведчик иезуитов устремляется в погоню за Афанасием. В повести много аллюзий. Повествование изобилует неожиданными поворотами сюжета и непредсказуемыми реакциями персонажей на все превратности путешествия.

ISBN 978-5-44-740434-5

© Буторин И.
© Издательские решения

Содержание

Афоня	6
Карла	8
Начало путешествия	9
Пограничники	10
Друзья степей	13
Дон Корлеон	14
История жизни Соловья-разбойника, записанная с его рассказа	15
Иезуит	19
Дербент	21
Джабраил-оглы – эмир Дербентский	22
Коньяк	23
Шелковый путь	25
Квазимодо	27
Бакы	29
Шамахи	31
Попурри на европейские народные сказки	33
объединенные изощренным умом иезуитского шпиона	34
Карло Сфорци, рассказанные им для Шамаханской царицы	
на литературном конкурсе ее же имени	
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Афоня, или Путешествие тверского купца Никитина до Древа желаний Сказка для взрослых

Игорь Буторин

© Игорь Буторин, 2023

ISBN 978-5-4474-0434-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Афоня

Тверь и в шестнадцатом веке была не самым лучшим русским городом. Поэтому в тендере на столицу Руси и выиграла Москва, хотя тоже слыла в народе тем еще местом. А Тверь, даром, что была в средневековые времена торговым центром, перевалочной купеческой базой, одним словом, была своеобразной оптовкой, но во всем остальном – темень тьмущая в головах, и в мыслях, плюс полная антисанитария.

Жил в Твери купец, звали его Афанасий Никитин, а попросту Афоня. Дело купеческое досталось ему по наследству от отца. Батя его недавно преставился и кроме своего торгового дела оставил сыну заботу о своем втором совсем больном отпрыске Емельяне, да еще и всякий хлам на чердаке большого родового дома.

Афоня сразу после похорон родителя, взялся было за торговлю, да вот с ней-то у него все никак не ладилось. То купит, какого овоща-фрукта заморского, а тот сгниет на складе, потому что наш народ русский вначале не очень-то падок на экзотику. Ну, например, сколько понадобилось времени царю Петру I насильно кормить русака картошкой, чтобы он – народ российский, расчухал сей корнеплод и превратил его в национальное достояние, а потом и вторым хлебом назначил?

А Афоня, конечно же, до Петра не дотягивал ни по широте натуры, ни по происхождению своему далеко нецарскому. Потому его экзотика и гнила на складах, вводя молодого купца в пустые растраты.

От этих всех коммерческих неудач, Афоня сильно пить начал. Понятно дело, при нашей успеши в питье, никаких денег не хватит, а потому наследство начало медленно, но верно таять. А купцы—конкуренты, они, что волки лютые, только и ждут, когда чужое дело можно будет у спившегося коллеги отобрать, да к своему присовокупить.

Вот и у нашего Афонии был такой визави. Скотина отменная, даром что бывший компаньон афониного отца, да, его же единоутробный его брат, а нашему герою, соответственно родной дядя – Калистрат. Он-то и наливал Афоне с самого раннего утра хмельного напитку, якобы для поправки пошатнувшегося здоровья, а сам – хитрющий гад, к своей выгоде стремился.

Он, Калистрат этот, был младше афониного отца, а значит, по тогдашним правилам все дело досталось в наследство старшему из братьев, а младшему вообще не светили никакие родовые наследства. Быть может, поэтому мучил Калистрата комплекс неполноценности младшего брата, да так мучил, что он постоянно придумывал всякие каверзы, чтобы наследное дело у старшего, то есть у отца Афони получается, отобрать. Напридумывал целую кучу подлостей, если их собрать вместе, то, пожалуй, целый бы учебник по пакостям получился. Ну, до учебника дело не дошло, да и решительности тож не хватило, одним словом, пока Калистрат придумывал гадости и портил себе карму, афонин батя и сыновей нарожал и вырастил их, да и помер себе. Однако на планы коварного Калистрата это никак не повлияло, а лишь больше раззадорило, ведь это не брата в могилу сводить, а всего-то племяша объегорить, две большие разницы получается, если измерять подлость в муках и укорах совести.

Так однажды стал Калистрат приставать к наследнику никитинской торговой империи, мол, племяш, вижу, совсем ты с торговлей запарился, пора тебе немного отвлечься и проветрить свои мозги. Вон, говорит: «И батя твой, покойничек, успокой Господь его душу грешную, брат мой однокровный, оставил тебе неиспользованную путевку с открытой датой в круиз по Волге-матушке через море Иранское до Дербента, на дегустацию тамошних коньяков и вин». Обещался при этих словах дядя Афоне, что за торговлишкой во время его отсутствия, присмотрит, так что дело родительское не пропадет и не загнется.

Понятное дело, что Калистрат не о здоровье племянниковом заботился, а новую подлянку готовил. Но понятно это только нам, а не простодырому Афоне.

Путевка в круиз и впрямь была и даже стояла в серванте на видном месте в рамочке. Как оказалось, с обратной стороны той путевки был конвертик прикреплен тайный. Не знал о его существовании никто, ни сыновья, ни Калистрат, ни судебные приставы.

Раскрыл конвертик Афоня и увидел там старинную карту с маршрутом не только до дербентских винных погребов, а гораздо дальше – за три моря в сказочную страну Индостан.

И записочка к карте приложена, написанная на старославянском языке неизвестной рукой с напутствием потомкам. А в напутствии том такие слова: «Потомки! Если вы открыли сей конверт, то читайте мой наказ. А он таков – отправляйтесь за три моря в сказочный Индостан. Там растет волшебное Древо желаний. Оно выполнит сокровенное ваше желание и тогда будет вам счастье. Никита, сын храброго берсерка Ингваря и красавицы Ульяны Путятичны из кривлян».

Была еще и приписочка уже рукой афониного отца: «Афонька, если записку читаешь, то я уверен, что ты уже за три моря лыжи свои наострил. Любишь ты по свету шляться, лишь бы дома ничего не делать. Не осуждаю, раз ты таким уродился, только тогда завещаю тебе обязательно испросить у Древа, выздоровления для твоего младшего брата Емельяна, который мается слабостью членов и кривостью скелета. Однако дело наше торговое не бросай, а то, знаю я тебя, малахольного... Карту запомни, а, то отберут лиходеи и тебя умертвят из-за нее, а так хоть живым останешься, а когда вернешься домой, то по памяти нарисуешь новую схему маршрута и потомкам нашим оставишь, пусть и у них в будущем все хорошо будет и счастливо. Целую, тятя».

Оно и действительно младший брат Афанасия – Емеля, был малый болезный и слабый во всех членах. Скрутил его еще в младенческом возрасте недуг людям неизвестный. Будь на месте афониного отца грек какой македонский, он бы Емелю с обрыва на камни бросил, есть у них у греков такой порядок, чтобы уродов не растить и генофонд не портить. Но тож греки-македоны. А Емеле повезло родиться на Руси Великой, где совсем другие нравы. Добрые что ли. Никого тут, вот так просто, с обрыва не бросают, а тем более дитя малое. Кому ж охота потом всю жизнь маяться с клеймом детоубийцы? Не по-божески как-то. Это традиция царская – сыновей за предательство кончать во гневе, а простой народ он добрый и скорее простит, чем отомстит. И если уж родился ребеночек уродцем, значит, на то была воля Божья – и только он – Всевышний и решает, кому жить, а кому помереть. Вот такой национальный эгрегор.

Любил Афоня своего брата, и как узнал, что у Древа желаний можно здоровье для братьника спросить, так сразу засобирался в дорогу, карту запомнил во всех подробностях, затем свернул ее аккуратненько и спрятал манускрипт в подполье, а потом уж и выправил себе путевку в круиз по Волге до Дербентских берегов.

Ну, и чтобы, значит, не скучно было совершать путешествие к винным погребам Кавказа, а далее в Индостан, купил Афоня на ярмарке и с собой взял медвежонка со странным именем Зигмунд. Откуда у русского медведя такое иноземное имя никто точно не знал, но мишка был толковый и даже философствующий, потому ни размягчения мозгов и уж тем более томления духа, ни у кого его странное имя не вызывало. Терпелив русский человек к чужим недостаткам.

Карла

Не терял времени даром и дядя нашего героя. Понятное дело отправлял он племянника за тридевять земель не из соображений заботы о родственнике. Нужны были Калистрату активы никитинского торгового дела. Когда затея с поездкой сладилась, стал он думать, как бы сделать так, чтобы Афоня из странствий не воротился.

По тем хоть и темным временам, а все ж порядок уголовный и наказания за душегубства, какие-никакие уже были, то есть могли и на плаху свести, и кости переломать, и даже башку отрубить нафиг.

Опять же с другой стороны, размышлял Калистрат, вот так просто, за здорово живешь, лишнего попутчика на торговое судно не пристроишь, там все места заранее уже куплены. А с третьей стороны, имелся у Калистрата человечешко специальный для таких деликатных поручений. Был у него в доме холоп, уродец, карла. Карла, как карла – ростом невелик, весь какой-то сморщенный, бороденка густая и злой на весь белый свет, как Черномор. Это ж и понятно, если уродился человек лилипутом, то жизнь ущербная из тебя из-за твоего роста малого сама сделает человеконенавистника.

Однако у нашего карлы, кстати, имени его никто не знал и все окружающие, так и называли его – Карла, история была не так проста, как может показаться на первый взгляд. К Калистрату он пришел сам и буквально упросил его взять себя холопом в хозяйский дом. Калистрат тогда подумал, что просто мелкий человечешко ищет к какому надежному хозяину присоседиться, чтобы не обижали. Да и Карла оказался на удивление проворным малым – на ярмарке тырил деньги у зазевавшейся публики, вынюхивал и высматривал все, что могло пригодиться или угрожать хозяину, и потом ему же все разведанные аккуратно докладывал. Одним словом, прижился он.

Со временем стал Калистрат давать ему разные поручения. Узнает, что какой купец собирается приобрести партию товару, так наш Карла наведается к нему в дом накануне сделки и украдет всю наличность, как бы она не была надежно спрятана, и кто бы ни был на ее охрану поставлен. Карла всегда находил неохраняемые тропки и умел разгадывать любые нычки. Сколько пакостей для прибытку своему хозяину наделал Карла никто не знал. Хоть и подозревали люди, что то или иное преступление не обошлось без его участия, но доказать никогда ничего не получалось. Через это стали опасаться, как самого Калистрата, так в еще большей степени его верного Карлу.

Видели Карлу и накануне смерти афониного отца, крутился он в доме. Что хотел или что искал было непонятно. Да и не до него было, когда хозяин при смерти. Хотя некоторые даже поговаривали, что имел он прямое отношение к вдруг пошатнувшемуся здоровью брата своего хозяина и его скоропостижной смерти.

Вот его-то и решил отправить Калистрат вдогонку Афоне для того, чтобы тот придумал, как известить молодого путешественника, чтобы потом его дядя, принял уже без всяких оговорок все торговое дело Никитиных под свое единоличное крыло.

Не ожидал Калистрат, что новое поручение – известить Афоню вызовет у Карлы такое воодушевление и, даже можно сказать, творческий подъем. Только услышал, сразу схватил свой саквояжик и устремился на пристань, даже денег на проездные билеты не взял, не говоря уже о командировочных.

Ну, оставим пока до поры до времени подлых людишек. Про них рассказ будет впереди. Нам интереснее рассказывать о нашем главном герое Афанасии.

Начало путешествия

Как положено на заре погрузились на судно. Афоня с Зигмундом на носу присели, чтобы вдаль светлую смотреть и вести философские разговоры за жизнь. Так и отчалили по Волге-матушке на юг.

Вначале путешествие шло ровно. Наши герои осматривали попадающиеся достопримечательности. На зеленых стоянках, пикники устраивали, песни пели. Зигмунд оказался не по годам приятным собеседником, но большим спорщиком и афонины постулаты подвергал всяческому сомнению.

Попытался, было Афоня рассказать про Ивана Грозного и его покорение Казани, так Зигмунд сразу заметил, что война та была гражданская, так как русский и татарин, что близнецы-братья, триста лет жили рядом и в зависимости от батальной удачи женами менялись. И так за время войн и набегов кровушка двух этнических групп перемешалась, что сей коктейль и есть единая общность – российский народ.

– А вера наша православная, как же? – ехидно возражал Афоня.

– Это все игры проповедников, – замечал Зигмунд. – Бог то он один, а слово его на землю принесли разные посланники: Иоанн, Иисус, Магомет и Будда. И каждый из них слово Господне передавал в устной форме, вот и закрались разночтения из-за вольностей в интерпретациях и переводах. Тем более что посты, монашество и прочие культовые ритуалы есть во всех религиях и если разнятся эти веры, то не очень-то принципиально.

Так за разговорами друзья-попутчики миновали спорную тысячелетнюю Казань с ее нефтяными качалками, бандитским Тольятти, где испокон веку делали никчемные тачки-телеги. Как и миновали вечные татарские угрозы про отделение, самоопределение и суверенитет.

Пограничники

Встали, как-то на зеленую стоянку около рва глубокого, что рядом с берегом великой русской реки проходил. Ну, как положено, то да сё, разложились, кто рыбачить пошел, кто по грибы-ягоды. А Афоня со своим другом косолапым достопримечательности отправились осматривать.

Тут Зигмунд и спрашивает: «А какого, собственно, рядна, здесь кто-то ирригационные работы затеял, эвон какой рвище прокопал и вообще интересно – когда, воду в сей канал запускать намечено и куда та вода волжская пойдет, к какому городу, али народу? Уж не очередной ли великий проект по развороту рек наметился?» Жутко любопытный медведь попался.

Только было, Афоня рот открыл, пояснения дать, как вдали послышался конский топот, и по рву пыль за клубилась. А вскоре и три всадника различимы стали. Мерно так и чинно двигались они по дну этого канала. Лица у всех серьезные, озабоченные. Брови в кучку к переносице, спины ровные. Ни дать, ни взять – едет рать!

Афоня заулыбался, шапкой машет – сразу видно радуется.

– Здорово, – орет. – Братья пограничники! Айда к нам хлебосолить!

Старшой из витязей ладонью от солнца закрылся, обстановку оценил и скомандовал: «Привал».

И даже Зигмунду от всего увиденного стало понятно, что это первые русские пограничники: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Илья оказался не сильно казистым мужичком, этакий кубик ходячий. Откуда ни глянь – со всех сторон квадрат получается, да и ростом невелик. Никитич тот посимпатичнее, но, судя по лицу, большой любитель пображничать. Леша же, был молод, гламурен, и сразу поинтересовался, обнажая свои жизненные приоритеты:

– А что, девки на судне есть?

На что Зигмунд тут же ответил, что бабы на корабле к несчастью, а у Леша его увлечения безудержным сексом берут свои истоки из его босоногого детства, где он явно подсматривал за девками в бане, для чего делал дырочку меж бревен помывочной.

Леха, от таких непрозрачных намеков на ранний онанизм, обиделся и начал грозно натягивать тетиву своего лука, да в медведя целиться, намереваясь попасть тому явно не в бровь.

Спас положение Афоня, который достал четверть самогона, выгнанного перед путешествием из свеклы урожая позапрошлого года. И только после первой стопки промеж знакомцев потек неторопливый дружеский разговор.

– Я за девками, – заметил Леша, – не подглядывал. Просто, я, как есть человек молодой и неженатый, по штатному расписанию противоположным полом интересоваться должен. Это вон Ильюхе, бабы не к чему, у него вся мужеская сила в силу физическую ушла, потому что нефиг анаболики без меры жрать.

– Во-первых, – добродушно заметил Муромец. – Анаболики я не жрал, а потреблял согласно схеме наращивания мышечной массы. Нужна она мне была не для выступлений на ярмарочном подиуме, а для достойного отпора супостатам. Вот, к примеру, будь я, как ты щуплый и астеничный, то от одного лишь посвиста Соловья-разбойника улетел бы в тридцатое царство. А так, он хоть засвистись, мне его буря в пустыне, что вечерний ветерок. Подошел и в глаз дал безобразнику, отчего тот упал, вместе с забором и заткнулся... навсегда. Потом сказывали, что наш Соловушка сначала к турмалайцам подался шороху на Севере наводить, но ему там холодно стало, а может, и накостылял кто-то болезному. Щас, поговаривают, этот пенсионер беззубый, стал русским доном Корлеоном и осел где-то в низовьях Волги, если встретите от меня ему привет. А что до мужеской силы, так это из-за застоя крови в тазу, у меня это от долгого сидения приключилось. Ведь за тридцать лет и три года не один геммо-

рой высидеть можно. Вот и сконфузилась сия обидная патология у моего, говоря по-научному, нефритового стержня.

– А скажите, господа, – ввязался в разговор Зигмунд. – А что здесь за канал такой организован, и кто ведет ирригацию?

– Вот тундра, – ответствовал Добрыня, хватив чарку первача. – Ну, какой ирригатор будет копать канал вокруг отечества. Мы что немчура, али хохлы какие, вокруг замков рвы копать. Нет, брат, это считай у нас, как трудовая книжка или послужной список пограничника. Мы втроем не первое столетие рубежи отечества охраняем, вот сей ров, копыта наших коней и вытоптали.

– А расширяться не пробовали, в смысле там маршрут изменить, да отполовинить для родины часть степей, али гор каких у сопредельных басурман и викингов?

– Ну, во-первых, мы мирные люди, но наш...

– Илья! Надоели твои аллегории про паровоз. Если ты себя и считаешь бронепоездом, то для меня это обидное сравнение, – оттопырил губу Алеша Попович.

– Алеша, ты не бронепоезд, ты скорее на швейные машинки фирмы «Зингер» похож. Вдоль границы наплодил Алексеевичей. А мои левые политические пристрастия я никогда не скрывал, и скрывать не буду, так как остановка у нас в коммуне.

К этому моменту, изрядно ослабевший от частого употребления медовухи организм Никитича размяк, и он в полголоса сам с собой вел рассказ, не обращая ровным счетом никакого внимания на то, слушают его или он рассказывает свои истории в безграничный космос. И действительно, кроме, космоса, четверти с самогоном и интеллигентного слушателя – медведя Зигмунда, на богатыря никто внимания и не обращал.

– Да какой там отполовинить. Лень нам. А тут колея уже набитая и державе покойно. Царь-то он специально отлучил нас от столичных центров. Ведь от нашего неумного характера и удали молодецкой натерпелась земля русская. Я бывалыча бочонок медовухи или сбитня с утра скушаю, да и пошел гонять печенегов. Ну, а потом, после баталии, на поле брани лет десять ничего не растет. Народ ропщет, говорит, что моя защита хуже набегов басурман, от них разорение на один сезон, а от моих маневров на десятилетия.

– Где ступил сапог солдата, – поддержал откровения мишка. – Там десять лет ничего расти не сможет – дембельская народная мудрость.

– Ага. А Лешка, тоже молодец, начал засматриваться сначала на цареву дочку, а апосля того, как случился с ней, так и на царицу позариться не преминул. А Илюху, так того вообще, легче убить, чем прокормить. Жрет-то он не только анаболики. Такое, как он, национальное достояние своим неумным аппетитом может разорить любую процветающую державу, даже с самой устойчивой экономикой. Вот царь и принял судьбоносное решение, назначил Илюшу прапорщиком пограничных войск. Вручил ему именную булаву, ну а нас произвел в боевые единицы его погранотряда.

– Теперь Илюха, очень вери импотэнт, – решил поумничать Попович.

– Я тебе Лешка, за то, что дразнишься импотентом, башку когда-нибудь именной булавой прошибу! – добродушно парировал Илья.

Алеша, продолжая обрабатывать ногти пилкой, заметил, что «импотэнт», никакого отношения к его Ильюшиной половой слабости не имеет, и в переводе с аглицкого означает «очень важный».

– Вот сколько лет ты, Илюша, пограничишь, а так ни одного иностранного языка не изучил, – резюмировал богатырь-любовник. – Бестолочь, ты. Это же надо, каким чувством юмора обладать, чтобы тебя из-за фамилии к хазарскому племени отнести. Ведь среди хазар таких тугодумов отродясь не бывало. Хотя, быть может, и в хазарской семье не без урода...

– А позвольте поинтересоваться, – не унимался Зигмунд, которому явно imponировал разговорчивый сержант погранвойск Добрыня Никитич. – А почему вашего отряда не было, когда крымский хан войною пошел?

– Ты понимаешь, косматый, тут какая коллизия приключается. Мы же, как Мельмот-ски-талец, хотя, глядя на Илюшу и его фамилию, уместнее было бы сравнить нас с Вечным жидом – все время в движении. А басурмане, они же только с виду лоховитые, а на самом деле с мозгами у них все в полном порядке. Вот пока мы на Севере грозим шведу, они, падлы, нас с юга жмут.

– Так бросили бы кулачищами махать да материться на остров Буян и прямиком бы на юг, хану задницу надирать.

– Не-ет, брат. Нельзя нам через державу сломя голову нестися. Ежелив наших коней да в полный аллюр пустить, да еще и наискосок через державу, а не по рву пограничному, то все, пиши – пропало, отечество. Все сметем на своем пути, потому как врага не любим и в войне мы очень азартные, причем считаем, что в баталии все методы хороши. Но от такого массивного наступления, ясное дело, пострадает не одна пара-тройка русских городов. Потому как в наступлении, мы не останавливаемся перед преградами, а мужественно их преодолеваем, то есть, на пролом значиться прём. Было дело, даже мальчишка немецкий нашу тактику изучал, все в тетрадочку записывал, но потом в свое отечество умотал. Гудерианом мальчика звали. Обещал вернуться, но, что-то не нравится мне его намерения. Но царь-батюшка понимает все по-своему, он ведь экономист и привык все считать на логарифмической линейке. Так вот от нашего такого напора, по его ведомости получается, гораздо больший урон, чем от локальных конфликтов. А ведь мы, если бы разогнались от северного моря-океяна, то уже бы через месяц в Индийском безбрежном море сапоги мыли, да персиянок шупали.

– А что, хорошо там, в Индиях-то? – вдруг заинтересовался беседой Афоня.

– А кто ее знает? Мы там не бывали, не дает царь-батюшка плечо развернуть, да форсаж включить. Вот и крутим вдоль границы эту карусель. Надоело. А ты, куда медведя повез?

– Да, я до Дербента. У меня круиз с дегустацией в тех краях, все согласно турпутевки. А медведь, это типа товарищ и совесть моя косолапая.

– Слушай, привези мне дагестанского коньячку, – загоношил Добрыня.

– А мне шемаханскую девицу, – подхватил Попович. – Если окажется, хороша собой, может и женюсь на неруси, остепенюсь, детей чернявеньких нарожаю цельный взвод...

– А мне, цветочек аленький, – сказал сентиментальный Илья Муромец и густо покраснел. – Для гербария надо.

– Не, мужики, давайте на берегу договоримся. Ну, пошла ихнего дербентского положим мне не трудно прихватить в качестве сувенира. Цветочек аленький с какой-нибудь клумбы для Муромца сорвать тоже большого труда не составит. А вот бабу эту шемаханскую, извините, как я ее силком через все кордоны гнать буду?

Но Алеша, даром, что поповий сын, айда канючить. Одним словом, сошлись на том, что девицу Афоня должен будет выменять по бартерной сделке на жеребца, что от кобылы Алешкиной. На том и порешили.

На жеребчике, во избежание проблем с таможей, краской написали «карга» и распрощались по-дружески. Илья даже всплакнул скупой мужской слезой. Правда, истерику закатывать не стал и в вой не пустился, видать постеснялся боевых единиц своего погранотряда, сентиментальный он.

А та скупая слеза, запутавшись в бороде богатыря, еще долго блестела на солнце, и блики эти не одну версту маячили Афоне с Зигмундом, бодро удалявшимся на быстрых волнах Волги-матушки в южном направлении.

Друзья степей

Ближе к Каспию Волга разлилась немеренно. Путешественники набраконьерили осетров, наелись икры и прочих растягаев и пирожков с визигой. У какого-то крестьянина отобрали тонну арбузов. В общем, шли весело и не скучали, безобразили в меру и по-черному не куражились. Зигмунд от жаркого южного климата сильно маялся, и постоянно обливался забортной водой. Афоня бражничал с караванными купцами и блевал в реку, так как в жару безвозвратно потреблять крепкие напитки не совсем комильфо, даже и для закаленного в тверских кабаках организма.

Тем временем по левому берегу изредка проносилась конница степняков. Калмыкские кавалеристы грязно матерились, метали стрелы, открыто гадили в воду и не скупались на другие обидные жесты в адрес путешественников.

Из этих наблюдений Зигмунд сделал вывод, что калмыки народ дикий и неинтеллигентный. И, если им даже Тамерлан не смог мозги вправить, то из этой тупиковой национальной проблемы остается, лишь один выход – научить их играть в шахматы или попытаться создать в степях второй Объединенный буддистский эмират – богатый и беспечный. Что, по слухам, их предводитель Илюмжин и пытался сделать, объявив калмыкские степи шахматным пупом земного шара.

Однако, несмотря на шахматное вправление мозгов, отголоски традиционного жизнеуклада все же еще проявлялись. Оттого и рэкетиров в калмыцких степях было много. По нашим меркам, примерно, как весной говна за деревенской баней. Что касается Объединенного буддистского эмирата, то с ним, судя по агрессивности степняков, пришлось повременить, пока сия агрессия сама не затухнет в бескрайних степях и башках калмыков. В разгильдяйстве и обормотости рэкетирствующих степняков пришлось убедиться всему каравану, причем буквально ближайшей ночью.

Как эти друзья степей переправились ночью через волжские плавни, до сих пор остается большой исторической загадкой. Ночью разбойники напали на торговую эскадру, да так начали куражиться над сонными путешественниками и купцами, что каждый из них сотню раз успел пожалеть, что не вступил в ганзейский союз и соответственно не может рассчитывать на мощную защиту своих торговых караванов, коей во всем средневековом мире славилась Ганза. Хотя какой ганзейский союз может спасти от разбоя на бескрайних просторах России? Да, никакой. Видали мы в российских степях ту Ганзу...

Афоня с Зигмундом и жеребцом, которого, по старинной русской традиции, сначала окрестили Коньком, потом – Горбуньком, а в оконцове Квазимодою, бежали с места разбоя в степь. Оно и правильно, что с этих степных разгильдяев взять, им никакой закон не писан, могут запросто зашибить, а потом живи калеккой весь век, кому ты нафиг будешь нужен.

Дон Корлеон

После того, как беглецы отдышались, стали думать, как дальше совершать свой анабазис в сторону дербентских винных погребов. Афоня сдури, было пытался вернуться и за хулиганство и разбой наkostenять калмыкам, но мудрый Зигмунд, не пустил гоношню, придавив его к земле своим телом. Так, в конце концов, и уснули.

Поутру афонин отряд вновь выбрался к реке. Не найдя ничего от разоренного каравана, путешественники пеше, по тихой грусти, пустился вдоль волжского уреза на юг. Не успели они пройти и версты, как вдруг, тишину астраханского утра резанула ментовская интонация: «Стоять, ля-нах!».

Путники pokrутили головами и... никого не заметили. Еще ведь подумали, откуда в разбойных местах может взяться блюстителъ порядка, как-то не по-русски это.

– Чорти носят в эту пору по моим пределам шастать! А ну, стоять, кому грю! – не унимался невидимый командир.

– Я щас кому-то в лоб остановлюсь, – интеллигентно возразил Афоня.

– Вот я свистану во всю пятерню, вы у меня махом в землю так впечатаетесь, что легче будет закрасить, чем выковырять! – Наглел дальше голос.

После такого нахрапа даже Зигмунд не смог сдержаться и заявил:

– Если Вы для посвиста засовываете в рот всю пятерню, то остается вас только пожалеть, потому что не надо зря сотрясать воздух. Лучше выходи в чисто поле, будем биться, а в оконцове на кол тебя посадим вместо пугала огородного!

В ближайших кустах послышались всхлипывания. Раздвинув ветки, путники увидели плачущего беззубого старика. Это был русский дон Корлеон или по отечественному – Соловей-разбойник.

– Ну, ты чего разревелся-то, гей? – миролюбиво спросил Зигмунд.

– А что сразу пидором обзывать... – продолжил хныкать Соловей.

– Да ладно, мы народ толерантный, если ты так нетрадиционно привык свои половые потребности утолять, то нам без разницы. Вот только из одной рюмки с тобой пить мы не будем, уж извини, – резюмировал Афоня.

– Да не пидор я, не пидор, – вновь завыл старик.

Друзья успокоили престарелого разбойника, и он поведал им историю своей жизни.

История жизни Соловья-разбойника, записанная с его рассказа

Детство у меня было, не приведи Господи. Я был первым ребенком в княжеской семье, но незаконнорожденным. Это видно и сыграло свою роль в моей судьбе. Понятно, что всю жизнь со мной случались всякие неприятности. Батяня мой – князь, отослал меня подальше – на дальний кордон, чтобы я ему родословную не портил. Статью, как вы видите, я не удался – макроцефал, ноги кривые, одним словом всю жизнь надо мной издевались все без исключения: и братья с сестрами, и ребятня в деревне. Даже взрослые пьяные мужики не пропускали возможности дать мне подзатыльник или крикнуть в след обидное – урод в жопе ноги. Из всех детских умений мне на славу удавался лишь художественный свист, за что я и получил прозвище – Соловей. Меня даже на свадьбы приглашать стали, для музыкального сопровождения торжества.

Понятно, что такой расклад в детстве повлиял на мое мировоззрение и характер. То, что всем детям легко доставалось из родительской любви и умиления, мне приходилось воровать или брать самому силой. Меня ловили на этом самом воровстве и нещадно били. Каждому приятно навтыкать воришке, а если он еще и «урод-в-жопе-ноги», так это становится любимым занятием для нормального человека, который, таким образом, пусть исподволь, но пытается исправить ошибку природы и сжить со свету эстетический позор рода человеческого.

Одним словом, били меня часто и сильно. От этого я становился лишь изобретательнее в своих воровских делах, а характер менялся далеко не в самую лучшую сторону. Как это часто бывает у уродов, когда природа обделяет в одном, то дарует в другом. Так и меня, наградив слабыми ногами, природа, не без моей помощи, помогла накачать мышцы грудной клетки. Да, у меня и сейчас бицепс шестьдесят сантиметров в обхвате, терминатор Шварценеггер отдыхает. Повзрослев, я уже спокойно мог гнуть пальцами пятаки, руками кочерги, а свистом останавливал стадо коров или табун лошадей.

С такими-то умениями, я вскоре стал давать сдачи своим обидчикам. Сначала ровесникам, а потом и парням постарше. Вскоре я держал в страхе всю деревню и мне выросшему в нелюбви, никого на этом свете не было жалко. Я уже не воровал, я просто отбирал то, что мне нравилось, девок и баб насиловал, а парней и мужиков просто калечил. Когда я шел по деревне, то все прятались. Но и такая безраздельная власть над отдельно взятой деревней приедается, и я пошел в люди, а вернее на большую дорогу. Там познакомился с князем Олегом. Он как раз собирался Аскольду накостылять и Киев отвоевать. Но и с ним сотрудничество не заладилось. Нафиг мне его имперские замашки, да войны с хазарами! И решил я стать русским Робин Гудом, то есть снова пошел на большую дорогу, что проходит из варяг в греки.

Куражился я долго, перебираясь с одного торгового пути на другой, грабил караваны. Так я создавал собственную империю в рамках отдельного государства. Села и города обкладывал данью, причем брал только провиант и девственниц. Надо заметить, что природа наградила меня еще и огромным мужским достоинством, и неутомимостью в постели. Словом, редкая девица выживала со мной дольше месяца. Потом чуть живую, я отпускал ее на все четыре стороны. Да вот только не уходили они от меня. Бывало, какая оклемается после моих половых извращений, раны на причинном месте затянутся, попытается выйти замуж. Ан, нет! Не может ей счастья принести ласковый муженек с детородным органом классических параметров. Бабе, побывавшей у меня, уже начинает не хватать моего напора и безумного, а зачастую извращенного зверинного секса. Вот они и убегали от благоверных обратно ко мне. Так и скопилась у меня целая армия наложниц. Любая за счастье считала, когда призывал ее провести ночь.

Слышал я, что в Индии, есть такая книга про трах между женщиной и женщиной, «Кама – сутра» называется. Вот любопытно было бы посмотреть. Думаю, у меня за всю мою половую историю, нашлось бы немало, чего добавить в сей трактат о любви.

В общем, жил я, не тужил не одно десятилетие. Детей вот только не народил, видно деревня наша находилась в местах радиоактивной аномалии или, просто, я такой мутант сам по себе, то есть от природы.

А надо заметить, что разбойничал я, не применяя свою буйволинную силу, а обходясь одним лишь посвистом. Сильно, то есть, я преуспел в деле сногшибательного художественного свиста. Бывало, едет караван, а я на дубе сижу, курю. Потом как свистану во всю пятерню – всадники и возницы на земле, барабанные перепонки лопнули, из ушей кровь, кони с ног валятся. В общем: сопли, кровь, говно и пыль. Ну, а дальше все по обычной схеме рэкетирского ремесла – таксу за проезд установил, все ценное отобрал, мужикам по мусалам, баб на цугундер и следуйте далее на все четыре стороны.

Все бы так и шло, если бы Илья из Муромца не пришел. Ой, видели бы вы его в возрасте Христа. Кулачища с коровью голову, шея под сорок пять градусов в плечи переходит. Бицепс – не обхватишь, а спиняра, что баржа для перевозки леса. Удалец, одним словом! Я сначала думал так себе, очередной культурист пожаловал. Нет, оказалось, настоящий русский богатырь.

А мне в ту пору сильно нездоровилось. Захватил я наемни цыганский табор. И была в нем красавица – цыганка Изергиль. Ясное дело в первую очередь она у меня в постели оказалась. Уж я ее и так, и эдак, а она знай, твердит: «давай еще». Впервые мне такая ненасытная любовница попала. Даже размеры моего члена на нее никакого впечатления не произвели. Знай себе только во все свои мыслимые и немыслимые места его пристраивает и требует продолжения полового банкета. Впервые я тогда под утро выдохся. Раздосадованный развратностью Изергиль и ее ненасытностью, прогнал я ее, проститутку этакую, вон. А напоследок сказал, чтобы моей дорогой боле не шлялась, нечего шлюхам делать на дороге, где порядочные люди ездят, а другие порядочные люди их грабят. И как оказалось, прав был в своем решении.

На третий день такие рези и боли в члене стали приключаться, что аж в глазах темнело. Наградила меня эта потаскуха триппером, да таким, что ни в сказке сказать, ни пером в медицинской энциклопедии описать. История, таким образом, подтвердила правильность моего запрета на присутствие шлюх на торговых путях, нечего заразу распространять и дурные болезни сеять.

Вот тут-то, и Илюха подрулил и права качать начал. Теперь представьте, с каким настроением я на баталию вышел. Деморализован был фактически полностью. Муромец же об отсрочке поединка ничего слушать не захотел, размахнулся и со всей своей дури вышиб мне все зубы. Но, как оказалось, это было только начало. Метелил он меня три дня и три ночи. От стресса у меня даже триппер прошел, но зато могучий понос открылся. Удрил я тогда всю округу, думал дизентерия, но, оказалось, от нервов, потому что все болезни от нервов.

Сначала, Илья меня по всей Руси возил, народу показывал, свистеть я уже с былой удачью не мог, так как милостью Муромца лишился всех зубов. Поэтому во время демонстрации насвистывал «Соловья» Алябьева, «Танец с саблями» Хачатуряна и уже начал разучивать «Боже царя храни» с импровизациями.

И снова народ смеялся и обзывал меня «уродом-в-жопе-ноги», как будто у них самих из жопы руки растут. Так история, сделав свой виток, вернулась в то же самое место. Снова я был, как маленький ребенок-уродец, а вокруг здоровые и жестокие люди.

Илья, выпустив за время нашей битвы боевой пар и пыл, меня больше не поколачивал, но на душе от такого неприязненного ко мне отношения окружающих все равно было очень муторно.

Помню, в Смоленске привязался к Муромцу один итальянец, звали его Давинча. Продай, говорит, мне своего голема, я его формалином от вшей обработаю и в кунсткамеру определю, да портрет его напишу, чтобы остался в науке и искусстве великолепный экспонат-экземпляр – Уродавжопенюги.

Но Илья-то мужик хоть и суровый, но моментами сердобольным бывает. Аккурат во время приступа его сердобольства отпустил он меня на все четыре стороны, истребовав предварительно, клятвы не рэкетирировать более в российских пределах. Если нарушу клятву, то по уговору, он должен будет вырвать мне яйца. Хотя они мне уже и не к чему вовсе, так как после такого позора и нервных переживаний, стал я импотентом, причем окончательным и бесповоротным.

Мои наложницы, всей своей ордой устремились на юга. Слышал о них, что образовали амазонское государство в горах Кавказа. Набеги совершают, мужиков воруют, один раз в год трахаются с ними до полного изнеможения, а потом бритвой по горлу и в озеро. И называется сия традиционная ежегодная процедура – агапевесса. Пацанов народившихся после этого полового беспредела, ясное дело, убивают, а девчонок воспитывают в своих традициях матриархата и мужененавистничества.

Я же отпущенный, не путать с опущенным, Ильей Муромцем пошел на Север к чухонцам и турмалайцам, как к народам темным и верящим в сказки и былины про мою былую мощь и силу. Однако и в тех пределах не было мне счастья. Местные шаманы заподозрили во мне конкурента, так как сильно я смахивал на местных божков вырезанных неумелой рукой северного охотника из моржового хера. Да и холодно там сильно. Местных баб мне в постель подкладывали, но они мне были уже не интересны, потому и не было у меня никакой популярности в тех краях. И понял я, что среди вечных снегов жить мне никак нельзя.

Мое положение усугублялось еще и тем, что водку поморские купцы, привозили по Северному морскому пути лишь один раз в год, когда сходил лед. А кончалась она в первый же вечер, так как все малые народы Севера сильно охотчи до нашей огненной воды и пьют ее самозабвенно до полного вымирания этнической группы. А без водки в тех краях, повторюсь, уж очень холодно.

Таким образом, однажды собравшись с духом и своровав мешок сушеной трески, я отправился на юг. Шел я, имея слабую надежду, что за былые сексуальные заслуги мои наложницы, а ныне жестокие амазонки выпишут мне маленькую пенсию и поселят где-нибудь на берегу горной речки век доживать в мечтах, меланхолии и философских думах про все сущее.

Однако подагра внесла свои коррективы, вот и пришлось мне здесь приостановиться – буквально в двух бросках томагавка от Кавказа. Тем более что здесь есть лечебная грязь, которая, говорят, помогает от суставов. Вот подлечусь маленько и подамся к амазонкам на пенсион.

* * *

– Да-а, – резюмировал Зигмунд. – Остросюжетная биография у вас господин Соловей-разбойник. Кстати, Илья Муромец служит теперь командиром погранотряда и велел передать тебе его пламенный привет и сказать, что он тебя помнит и даже, наверное, немного любит... как боевого товарища.

– А вы все: пидор, да пидор... – растрогано проговорил русский Дон Корлеон и чувственно прослезился. – Я Илюшу тоже век не забуду...

– Ладно, дед не обижайся, – вступил в разговор Афоня. – Мы не по злобе. Просто пидоров не любим. Да и за что их любить, мы же не голландцы какие, а русские люди — великая нация...

– Попер великодержавный шовинизм, – закатил глаза косолапый. – А скажи, как местный рэкетир, правильно ли мы движемся в сторону Дербента?

– Аккурат, – молстовал Соловей. – Дойдете до моря Иранского, и вдоль побережья шуруйте, а там не промахнетесь. А куда после Дербента пойдете?

– Да есть, одна мыслишка, – стал нагонять тумана Афоня. – Думаю оттельдова еще до Индии прошвырнуться.

– Во, классно, – преобразился пенсионер разбойной деятельности. – Привези мне Афоня «Камасутру», а?

– Я вам всем чё, транспортная компания что ли? – забузил Афоня.

– Ну, тебе что тяжело, у тебя есть медведь и вон конек Квазимода. А книжка она места много не займет, а мне старику будет радости, глядишь, напишу сексологический труд для будущих покорителей женских сердец и прочих рабов собственных гениталий.

– Нет, быть может, это раритет какой индийский, а мне проблемы с таможей не нужны.

– Афоня-друг, я тебе дам живой виагровой воды, каплю капнешь себе в кубок, и все – любая красotka твоей будет, а ночи наполнятся неутомимым и разнообразным сексом.

– Ладно, хрен с тобой, давай свою воду, пошукаю в Индиях твою книгу и отправлю с оказией наложенным платежом, – согласился путешественник.

А Зигмунд усмехнулся и подумал, вот ведь старый онанист, на погост понесут, а все прочить собирается в расчете на утреннюю эрекцию.

Засим и распрощались. Друзья подались на юг, а Соловей-разбойник направился к луже своей лечебной грязи, которая на поверку оказалась обычным коровьим навозом. Доверчивыми с годами становятся пожилые люди. Кто-то посмеялся над стариком, а он, простая душа, и поверил, что коровье говно вылечит его от подагры и прочих старческих недугов.

Эх, старость – не радость. Ведь, зачастую только из-за того, что пожилого человека каждый мудака обидеть, не только может, но и всегда норовит, потому и живут они, бедолаги, как дворняжки, ожидая все новых жизненных ударов. Причем глумления над беззащитным всегда происходит, хоть и не по злобе, но с непременным циничным удовольствием. Как будто чаша сия – немощи старческой, минует самого обидчика. И вся жизнь русского дона Карлеона – Соловья-разбойника, яркое тому подтверждение. Покуражился в молодости, теперь отвечай, и основательно подорванным здоровьем, и моральной униженностью, и обидами от окружающих тебя более молодых и здоровых.

Иезуит

Настало нам время поближе познакомиться с Карлой, который должен был обеспечить невозвращение Афони Никитина в родные края.

Его шлюпка отбыла по Волге вскорости после торгового каравана, увозившего наших путешественников к дербентским берегам. Карла хоть и выглядел неказисто, но был мужичком жилистым и споро налег на весла и в течение дня не терял караван из виду. Зато, когда торговая флотилия остановилась на первый ночной привал, Карла не мешкая, греб всю ночь вниз по великой реке и обошел путешественников на много верст.

Он первым попал в волжские плавни, и быстро договорился с калмыцким Сангаджи-ханом, чтобы тот направил своих безобразников разобраться с торговым караваном из Твери.

Сангаджи, быть может, и не стал бы ввязываться в это предприятие, тем более Илюмжин-шах не одобрял разбоев, но подходило время верблюжьих бегов и ему срочно нужно было прикупить парочку дромадеров, а свободных денег, как обычно не хватало. Хотя у него уже паслось в бескрайних степях огромное стадо своих арабианов, но, как звучит арабская пословица – лишний верблюд в стаде никогда не бывает лишним.

Когда же караван был разграблен лихими калмыками Сангаджи, Карла не нашел, как рассчитывать, среди разоренного флота ни Афони, ни его медведя. Иной бы впал в отчаяние, но Карла был непрост, и впасть в отчаяние было не в его правилах, а иначе, какой бы он был иезуит, да, никакой и вообще был бы и не иезуит вовсе.

Мы уже упоминали о его загадочном появлении в Твери – пришел Бог знает откуда, зачем-то по собственной воле напросился в холопы к Калистрату. Да никто, собственно, об этом не задумывался, мало ли людишек бродит по свету, каждый своего счастья мытарит...

На самом же деле Карлу интересовала карта, которая была присовокуплена к путевке в дербентские края, которую почивший в бозе тверской купец Никитин, завещал своему старшему сыну Афоне. А сам Карла был никто иной, как посланный орденом иезуитов разведчик с заданием – завладеть этой картой.

Дело в том, что это была единственная версия старинного путеводителя, составленного стратегами Александра Македонского во время индийского похода великого полководца древнего мира. И только на ней, и об этом доподлинно знали иезуиты, был начертан путь к Древу желаний.

Как известно Македонскому не удалось достичь этого волшебного дерева, и он вернулся из того похода так и не исполнив главной цели своей кампании – не испросив у Древа желаний еще большего могущества, чем он смог взять своим мечом.

Как эта карта попала к Никитиным? Да все очень просто. Никитины вели свой род от отчаянного берсерка Ингваря, пришедшего на Русь вместе с Рюриком. Осел и остепенился Ингварь на новой родине, после того, как влюбился в красавицу кривлянку Ульяну Путятичну. Вот от их брака и пошел весь род Никитиных. Известно еще, что спустя сотни лет потомок Никитиных бой-баба Никита, заслужила всеобщий интерес своими убийственными приключениями, где проявились безбашенность берсерка Ингваря из варягов-разбойников и красота Ульяны Путятичны из кривичей.

Однако эти сведения к нашему повествованию отношения не имеют и появились здесь просто так, для расширения кругозора.

Но вернемся к иезуитскому разведчику – Карле. Карло, а именно такое имя он получил после рождения, появился на этом свете в итальяском Милане в семье герцога династии Сфорцо. Нравы в средневековой Европе царили дикие и после рождения сына коротышки, стало ясно, что выжить ему в жесточайшей борьбе за престолы будет практически не реально.

Поэтому папаша уродливого младенца – Лодовико Сфорцо отдал сына маломерка в орден иезуитов к основателю этого Общества Иисуса, Игнатию Лойоло, который и воспитал из маленького уродца хитрого и двуличного человека, призванного беспрекословно исполнять волю «чёрного папы» – генерала ордена.

Сам же этот генерал Лойоло имевший доступ в библиотеки Ватикана, где, как известно, хранится огромное количество всякого интересного и таинственного из истории человечества. Там он однажды раскопал манускрипт, по которому выходило, что где-то бродит по свету такая карта, ведущая к волшебному Древу желаний.

Удалось Игнатию выяснить и тот факт, что этот путеводитель древних стратегов был захвачен одним из воинов русского князя Олега во время его похода на Царьград. То есть пока Олег после баталии дизайнерски украшал ворота второго Рима – пышного Царьграда своим воинским атрибутом, его рубаки-бойцы времени зря не теряли и грабили все подряд, включая публичные библиотеки.

Имя воина тоже сохранили анналы истории, на них его занес местный евнух и по совместительству библиотекарь Аристарх, который под страхом смерти все же завел на дикого русского безобразника библиотечную карточку. В ней означалось, что «карту Великого Александра Македонского взял во временное пользование тиун русского князя Олега – Никита, сын берсерка Рюрикава Ингваря».

Вот и решил тогда генерал ордена отправить на Русь своего ученика – коротышку Карло. Так иезуитский разведчик после долгих мытарств все же вышел на след именно тех Никитиных, у которых могла храниться карта с маршрутом до Древа желаний в Индостане.

Карло бы сто раз выкрал эту самую карту, да вот только не знал он, где искать ее: толи у младшего Никитина – Калистрата, толи у старшего – отца нашего героя Афанасия. Прилепился он к младшему, потому что увидел в нем человека корыстного и завистливого, а именно такого всегда можно сделать своим союзником, осведомителем или просто средством для достижения цели. Однако тут новая накладочка вышла.

Не успел он толком вызнаться про карту, как старший брат помер и все унаследовал его сын Афоня, а тот вообще про сей путеводитель был не в курсе.

Карла во время тризны перерыл весь дом, но плана так и не нашел, хотя и был он, как мы уже знаем, на самом видном месте – в серванте в рамочке, да вот только заложен был за современную путевку в дербентские винные погреба.

Ну, не сообразил опытный иезуит, что такая ценная вещь может находиться на самом видном месте. У этих русских всегда так – не знают, чем владеют, потому и не ценят...

Про карту уже перед самым отплытием Афони из Твери проговорился Калистрат, который видел, как Афоня разбирает отцовый наказ, вот и подхватился Карла со всех лопаток вниз по Волге-матушке, чтобы Афоню догнать, известить, а карту забрать и своему иезуитскому «чёрному папе» на именины подарить. Вот обрадуется старик!

Так нет же – снова нелады – караван калмыки разграбили, да Афоня с медведем сбежал. Все надо начинать сначала.

Взял тогда Карла свою волшебную рамку (учили его в иезуитском училище, как колдовать, как заговоры устраивать и вообще всякой другой экстрасенсорике) и загадал, чтобы сей несложный колдовской атрибут указал направление, в каком скрылся тверской путешественник. Покрутилась, покрутилась проволочная рамка и напрямиком на предгорья Кавказа указала. Туда марафонской трусцой и направился сын итальянского герцога Сфорцо, а ныне иезуитский разведчик – Карло.

Дербент

Долго ли, коротко ли бродил Афоня со своим отрядом, однако все же добрались они до отрогов Кавказских гор. Квазимодо возмужал и уже начал превращаться из стригунка в нормального и красивого коня. И вот, где-то уже в горах встретил наших туристов джигитский патруль.

Дербентские пограничники оказались не в пример нашим трем богатырям, были они сильно злыми. Один из них самый лютей по имени Базай все норовил, как бы невзначай отрубить Афоне голову, а Зигмунда рассматривал исключительно как будущий ковер для своей сакли. Однако старший в отряде по имени Дурай не разрешил своему подчиненному портить захваченный трофей, сразу было видно, что он очень дорожит своим служебным положением.

Опять же зная продажность своих джигитов, которые, рубани они афонькину башку и поделили все имущество, включая Квазимоду и ковер из Зигмунда, тут же сами же и донесут об этом эмиру. И тогда командир погранцов Дурай точно лишится головы за самоуправство, грабеж и посягательства на собственность эмира. Тем более что эмир, как и другие горцы по давней кавказской традиции, сначала вершил суд, то есть рубил головы, а потом с пристрастием расспрашивал свидетелей, которых, в свою очередь, ждала та же участь, что и у подозреваемого, но уже заранее обезглавленного.

Одним словом, как это всегда было на Востоке, в выигрыше оказывался лишь доносчик, который и получал часть имущества казненных и лишь тогда, когда оставалась целой его собственная голова, а это в тех диких краях и по сей день считается большой удачей.

Так что, как правильно решил командир джигитского погранотряда, пусть судьбу трофеев и плененного жеребца решает сам эмир, а грабить на большую кавказскую дорогу он отправится в одиночку, когда придет время его заслуженного ежегодного отпуска. А отпуск у кавказских пограничников был хороший, не такой как у других служивых – 24 рабочих дня. За особые условия службы погранцам полагались 33 дня и 33 ночи, которые все они без исключения и испокон веков посвящали разбою и грабежам на большой кавказской дороге.

Дикие люди, что с них возьмешь, работать никак не хотели, не хотят, и хотеть не будут. Зато грабить и саблей махать, все как один – мастера. Ментальность. Хотя, какая на фиг, ментальность. Во все времена и среди разных народов находилось племя обормотов, которым в этом мире ничего не надоть, только дай пограбить, повоевать и помародерничать. Были такие и среди скандинавов, и среди азиатов, и среди других национальных групп. Так что, судя по всему ментальность тут не причем.

Причем здесь особый косинус в мозгах, который случается где-то на генном уровне и ничем его оттуда не вытравить. Остается только одно – подчинить эту зверскую силу, другой более жесткой силой. Но далеко не факт, что эти звереныши покорятся. Нет, они будут временно покорны, но не преминут ждать удобного случая, чтобы всадить своему повелителю нож в спину и вновь вернуться на большую дорогу разбоя. Так что терроризм – это скорее диагноз и состояние души, а не ментальность.

Именно к таким людям попали путешественники в предгорьях Кавказа и сразу поняли, с кем имеют дело. Потому, даже обычно разговорчивый Зигмунд предпочитал помалкивать, так как было неизвестно, какую реакцию в тупой разбойничьей башке может вызвать простая или случайная фраза.

Джабраил-оглы – эмир Дербентский

Так понукаемые джигитами-пограничниками наши герои добрались до Дербента – города великого эмира.

Эмир Дербента Джабраил-оглы в принципе был мужик хороший, но горячая кровь и обычаи горцев сделали из него тирана и самодура. На людях и при подчиненных он таковым и был, однако по ночам превращался в сентиментального старика, который самолично кормит канареек, разводит кошек и лелеял черепах.

Последние ему нравились больше других тварей. Этих тортилл в комнатах эмира было несчетное количество, он их постоянно потчевал капустой, отчего во всех залах дворца витал стойкий дух овощехранилища.

А ценил эмир черепах за их беспросветную закованность и флегматичность, то есть за все то, чего сам он был лишен напрочь.

Когда пленники предстали перед эмиром, тот внимательно осмотрел путешественников и их путевку в дербентские винные погреба, задержал прищуренный глаз на жеребце, потом произнес коротко: «Казнить, нах!»

И уже было увлекся в свои покои, как вдруг передумал. И в тот момент, когда Базай уже занес над головой тверского купца свою саблю, властитель обернулся, вновь прищурился и молвил:

– Вах, зачѐм над ковром башка рубить собрался? Какой ты все же не чистоплотный Базай! Оставь мальчика, я пошутил..., – и позвал толмача, чтобы выслушать уже было погрузневшего Афона. Однако визирь ему непрозрачно намекнул, что толмач, давеча наступил на одну из любимых черепах и, упав, разбил голову о край бассейна.

– И что? – поинтересовался Джабраил.

– Издох сразу же, гяур! Но мы ему на всякий случай, голову все же отрубили. Вон висит перед воротами дворца, – отрапортовал верный помощник.

– Я тебя про черепаху спрашиваю, придурок! – возопил правитель Дербента.

– А она и не заметила, просто от стресса до сих пор жрет уже третий вилок капусты, – доложил визирь.

– Ну что за люди?! – разворчался, было, эмир. – Уроды какие-то. А я теперь сам себе должен переводить чужестранную речь. За что люди деньги получают, не известно. Ладно, пошли Афоня ко мне в кабинет, расскажешь, какая пурга тебя в мои пределы задула.

Перво-наперво, тверской путешественник поинтересовался, где во дворце находятся удобства, так как после эмировой шутки на счет казни, он перенес сильное потрясение и стресс и поэтому сейчас ему не помешает высморкаться, причем из всех имеющихся в организме отверстий. Визирь подобострастно проводил купца в туалет и подежурил у дверей, охраняя афонины процедуры и отгоняя саблями любопытствующих царедворцев от оккупированной уборной.

В своем кабинете Джабраил-оглы превратился в радушного хозяина, угостил путешественников шербетом, инжиром и виноградом. А те поведали ему о своем путешествии.

Живописный рассказ Афони произвел на эмира благоприятное впечатление. Особенно он заинтересовался судьбой Соловья-разбойника. В конце же изрек: «Да-а, были люди в наше время, а сейчас молодежь, вся какая-то чиканутая... Эх, переводятся богатыри на свете...»

Коньяк

– А что Джабраил-оглы, – насмелился отвлечься от основной темы Афоня. – Говорят у тебя коньяк хороший? Дал бы пробу снять, а то от шербета боюсь, слипнется у Зигмунда одно место.

– А что можно и по коньячку врезать, – отозвался властелин Дербента. – Только ты сам будешь его дегустировать, а то мне вера и подагра не позволяют спиртное принимать.

– А в чем секрет такой выдержки напитка? – живо заинтересовался Зигмунд.

– А вот в вере и есть весь секрет, – пояснил Джабраил. – Мы мусульмане народ не пьющий, а виноградного вина у нас на Кавказе, хоть одним местом пей. Выливать жалко, вот оно и томиться в подвалах. Помню, прикупил я невольника из хранцузской волости. Так он, неверный, носом учуял, что все подвалы вином завалены, и айда канючить, мол, назначь меня в подземелье полы подметать, да паутину из углов снимать? Даже аргумент привел в свою пользу, дескать, мать его родила прямо в винном погребе, отсюда он сделался большим ценителем спиртного и вообще, одно время даже батрачил сомелье у какого-то барона. Ну, я человек добрый по своей натуре, возьми, да и назначь.

Тот полгода там что-то торкался-химичил, а потом говорит: «Было, мне знамение, что из твоих вин можно путный напиток готовить, дозволю попробовать?» Попробовал, вот и получил коньяк. Название напитку я сам придумал, так как первую бочку везли в телеге сначала кони, а потом тянули яки, вот и получился «коньяк». Хранцуз тот мне наладил торговлю этим зельем, и отправлял напиток с шелковыми караванами в Европы.

Ну, за такие заслуги перед дербентским отечеством и пополнение казны, я ему вольную дал. Слышал потом, что он раскрутился у себя на родине на моем коньяке. Правда умалчивает, что рецепт с Кавказа привез, выдает за чисто, конкретно хранцузское изобретение. Пускай, мне не жалко. Однажды привезли мне бутылочку ихнего «Камю», я пробу снял, фигня по сравнению с нашим дербентским.

Афоня между тем все дегустировал огненный напиток кавказских гор. Однако после первой рюмки намекнул эмиру, что напиток всем хорош, вот только клопами от него наносит.

– Афоня, какими такими клопами он может пахнуть, – возмутился Джабраил-оглы. – Сам посуди, кто бы клопов в дубовую бочку насмелится без моего ведома натолкать? Даже если и найдется такой говнюк, так я потом эту контру все равно вычислю, запытаю смертными пытками, а потом самого раздавлю как клопа. Так что ошибаешься ты насчет кровопийцев, Афоня. А дух этот, скорее всего от мореного дуба из которого бочки делают.

Афоня меж тем, как водится, захмелел и вспомнил про наших, про русских пограничников: Илью, Алешу и Добрыню, да, как заголосит (ну, ясное дело, уже пьяный стал, потому децибелы и не контролировал):

– Джабраил, друг, нацеди мне коньячку в жбанчик, пожалуйста. Меня Добрыня просил – пограничник наш рассейский. Уж больно ему бражнику отведать хочется твоего напитку великолепного! А?

– Нет, – заартачился эмир. – Хочешь дам баржу нефти, для растопки печек, а коньяк не проси, это почитай мое национальное достояние. Да и где гарантии, что ты, как тот хранцуз, не стибришь рецептец напитка. Начнешь серийный выпуск контрафакта, а мне от этого убыток будет. Нет, лучше нефтью возьми, у меня ее навалом.

– Да ты мне в глаза посмотри или форму носа оцени, разве, я похож на хранцуза, или еще на какое жулье, не приучены мы чужое тибрить. Корчага коньячку мне нужна исключительно для друга Добрыни, он, парень добрый, это и в имени его упомянуто, а потому сам все выпьет, ни с кем не поделится. Я в этом на двести процентов уверен. Не жидься, Джабраил.

– Ладно, – смягчился эмир. – Тогда давай меняться. Я тебе коньяк, а ты мне своего жеребца Квазимодо-Карго.

– Э-э, нет, Квазимоду мне дал Алеша Попович, для обмена на шемаханскую царицу. Кстати, не знаешь, где она прописана?

– Известное дело в Шемахани...

– А Шемахань эта где?

– А хрен его знает. Может в Индии. Ты у шелковых купцов спроси, они через недельку здесь столноваться будут, быть может, и подскажут. Значит, не хочешь коньяк на коника менять?

– Не могу, Джабраил, я слово дал...

– Аллах тебе судья. Живи пока здесь во дворце, шелковый караван транзитом на Персию придет, я тебе протекцию составлю, чтобы безвизово в Индию тебе идти. Парень ты хороший, скажу, чтобы башку тебе больше не рубили, а так оставили, потому что я добрый и справедливый эмир всея Дербента и нефтяных скважин персидского моря и прочая, прочая, прочая...

Так Афоня с друзьями поселился во дворце, где сытно ели, крепко пили и сладко спали. А Эмир, выйдя от Афони, призвал визиря к себе и коротко приказал: «Жеребца Карго у Афонии украсть и списать сей разбой на диких горцев, то есть на Дурая и Базая».

Шелковый путь

Шелковый путь в те времена был очень популярным маршрутом. Популярнее даже знаменитого пути из варягов в греки или морские разбойные фрахты из святой земли в Европу и обратно. С Востока по шелковому шляху везли ко дворам европейских графьев и королей пряности и шелка.

Конечно, главным товаром был шелк, так как спрос на него в немойтой Европе был очень актуальным. Это и понятно, с гигиеной в те времена было, мягко говоря, не все слава богу. И спрос на шелка всегда превышал предложение.

Основная причина той популярности была не в фактуре этой легкой, красивой и прохладной ткани, а в том, что в ней не водились блохи и вши, буквально заедавшие дворян, обывателей и прочую артельную сволочь Европы, не говоря уже о простых крестьянах. Так что шелк в те времена можно было, смело назвать, товаром стратегическим и определяющим здоровье наций. Именно с этим караваном Джабраил и вознамерился отправить Афонию сотоварищи в дальнейшее путешествие.

Приход шелкового каравана в Дербент всегда был большим праздником. И даже не потому, что он привозил какой-нибудь европейский дефицит. Нет. Просто с караваном на Кавказ приходили последние новости со всего Старого Света.

Купцов по традиции приглашал к себе эмир, а погонщики и прочая караванная и пилигримская перхоть, которая неминуемо прибивается к путешественникам евроазиатского каравана, располагалась на центральном базаре. Именно эти любители анабазиса носили по свету легенды, сказки и прочие рассказы о жизни в иных странах, их народах, традициях и обычаях.

Так было и на этот раз. Купцы с неизменными подарками явились пред светлые очи Джабраила. Тот великодушно принял все подношения и прослушал политинформацию о последних европейских событиях. После этого, вальяжно развалясь, и ковыряя в носу, резюмировал:

– Да, беспокоят меня разрозненные германские феодалы... Доиграются эти милитаристы, надерет им кто-нить задницу. Зато французы порадовали. Особенно потомки Гуго Капета, правильно свою политику строят. Но ведь, подлецы, загубят своими интригами древний род. Точно сядут на престол Валуа, вот попомните мои слова. А те уже и устроят сучью свадьбу, и Варфоломеевскую ночь, и революцию, да такую, что тамплиерам и не снилась.

Афоня с Зигмундом были здесь же, и немало удивился осведомленностью дербентского эмира в европейских делах. Медведь даже заметил, что эти европейцы всегда были и будут вшивыми интеллигентами, а потому, как географическая область, состарятся рано. Афоня же увлеченный рассказами купцов, резко осадил косолапого: «Ты мне еще о пассионарности этносов начни вещать!» После этой эскапады медведь обиделся и больше не умничал.

– Купцы, – обратился Джабраил к торговцам. – У меня к вам просьба имеется. Вы один фиг транзитом через Персию идете, прихватите с собой моего мальчика с мишкой. Уж очень ему в Индию нахрена-то надоть.

– Оно мальчика взять нетрудно, – призадумались караванщики. – Токмо вот с медведем как быть? Наши корабли пустынь, сиречь – верблюды, духа медвежьего не переносят и пугаются. Могут даже в панику впасть, али того хуже в ступор. Товар то хоть и не скоропортящий везем, но все одно, не охота из графика выбиваться. Суетно это будет.

– Не извольте беспокоиться, господа, – бросился на защиту корефана Афоня. – Он у меня смиренный, чистоплотный и интеллигентный медведь. Плюс, скотина эта, не лишена философического отношения к жизни и отягощена разнообразными знаниями. Потому способен всякое нудное путешествие превратить в приятную беседу или познавательное времяпрепровождение.

ние... Так что не извольте беспокоиться ни за дух его звериный, ни за прочие предрассудки и стереотипы. Все у нас с вами будет абгемахт!

Такому неожиданному финалу афониной адвокатской тирады немало удивились не только купцы и Джабраил, но и сам Афоня, а Зигмунд прочувствованно полез обниматься с другом, чтобы тот не заметил скупой медвежьей слезы, предательски скопившейся на кончике носа.

На том и порешили. Да и купцы тоже оказались не полными идиотами, чтобы отказывать в просьбе влиятельному эмиру. А с другой стороны дикий русский медведь своим свирепым видом мог пригодиться в случае разбойного нападения в путешествии.

Когда же наши путешественники стали собираться в путь, то, вдруг, обнаружилось, что их жеребца Квазимоды в эмирской конюшне нет. На вопрос: «Куда пропал коник?», Джабраил ничего не смог ответить и сразу же стал учинять дознание. Дознание длилось долго и сопровождалось битьем посуды, мордобоем, пинками визирю и всем дворцовым слугам и внеплановым посещением гарема.

Последнее событие, устроенное разгневанным эмиром, несколько затянулось. С женской половины дворца слышались стоны и крики наложниц. Святая простота – Афоня, подумал, что ни в чем не повинным женщинам эмирского гнева досталось незаслуженно больше чем конюхам. Более догадливый Зигмунд не стал просвещать Афонию, почему из гарема несутся женские крики и стоны и что они никак не связаны с наказанием баб за чужое воровство.

Когда же Джабраил без чалмы и весь в помаде, подтягивая шальвары, куда он зачем-то заправил свой халат покинул женскую половину, то тверской купец подумал, уж не убил ли кого во время своего дознания разъяренный дербентский эмир.

– Ну что за люди? – устало, посетовал Джабраил. – В моем дворце прижились одни воры и деклассированные элементы. Евнухи играют в карты на раздевание, наложницы – лесбиянки, визирь – казнокрад, слуги плюют в мою еду и травят моих черепах, а дети вообще – дебилы! Ну, как тут жить! Каторга, а не родовое гнездо! Вот, уедешь ты, Афоня, половину подданных казнию на хрен, а вторую половину засеку насмерть. А третью половину сгною в каземате. И ничего мне за это не будет.

– Извините, – не удержался Зигмунд. – А сколько в Дербенте бывает половин?

– Зиг-ага, пошел в жопу! – огрызнулся Джабраил. – Афоня, извини друг, что Квазика твоего не уберег. Украл, видно его какие-то сволочи! Есть у меня подозрения, что это дело рук Базая и Дурая. Поезжай спокойно в свою Индию, а я их изловлю, свершу над этими разбойниками самосуд страшный и беспощадный. А, когда ты возврататься станешь, то увидишь на дербентскими воротами головы этих двух наглых воров и тогда же своего Квазимоду забережь. Ну, а в качестве моральной компенсации я тебе дам для твоего друга Добрыни бурдюк самого лучшего коньяка. Одним словом, извини друг, больше такого никогда не повторится.

Делать было нечего и Афоня, взвалив огромный бурдюк с коньяком на верблюда, горя об алешипоповичевом выкупе за шемаханскую царицу, отбыл из Дербента на юг в Персию.

Квазимодо

Похищение жеребца Квазимодо было спланировано еще накануне прихода шелкового каравана.

Джабраил призвал к себе наемников Базая и Дурая.

– Ну, что – душегубы, разбойники и мародеры! – молвил эмир. – Хотите премию от меня получить? Можете не отвечать. Знаю – хотите. Так вот, афонькиного жеребца необходимо стибрить в самый короткий срок и надежно спрятать. А самого этого Афоню вместе с его зверем, я шохом-мохом отправлю в Персию, пускай там ищет свою шемаханскую царицу или еще какого черта лысого, пока не сгинет вовсе. Когда он уедет, коника вернуть мне, а вам сразу идти в кассу за премией. Кругом! Исполняйте, разбойное отродье, глаза бы мои на вас всех не смотрели.

С кем приходится работать, подумал эмир. На какие только пакости порой приходится идти, чтобы получить желаемое. Но иначе ведь и цели не достигнуть, а она, как гласит восточная мудрость, всегда оправдывает средства.

С другой стороны, продолжил фрустрировать Джабраил: «Ведь, должен же глава государства обладать целеустремленностью в достижении своих государственных интересов. Да и с богопомазанников какой спрос? Мы над ним, над спросом, и все свои желания подчиняем только одному – государственной необходимости. Сегодня у нас в Дербенте главная госнеобходимость – новый жеребец! Выеду потом на нем в люди и всякой верноподданной швали сразу будет видно, вот едет эмир на самом лучшем в мире мерине шестисотой серии».

Так думал о своем подленьком поступке Джабраил-оглы – эмир Дербента, коньячных погребов и нефтяных скважин, пока не уснул крепким сном праведника.

Тем временем, эмирские бандюганы-пограничники отвели Квазимодо на свою дальнюю заставу, достали малую толику опия, покурили и стали чистить оружие. Ведь это только кот, когда ему делать нечего занимается гигиеной, а джигит – чистит оружие. Разговаривать было не о чем, потому что под папахами этих джигитов мысли появлялись крайне редко. Если же вдруг, какая и заглядывала под нахмуренные брови, то была она посвящена только устройству коварных засад или дележу добычи. Вся же остальная жизнь кавказских погранцов была основана на инстинктах.

Однако сегодня был совершенно иной случай. Уж больно хорош был жеребец Квазимодо. Такого ладного и быстрого коня хотел бы иметь каждый джигит. И вот теперь, что Дурай, что Базай сидели молча и каждый пыжился над придумыванием способа, как заполучить жеребца в собственность. Первым заговорил Базай:

– Дуда, брат! Хороший у нашего эмира жеребец будет?

– Да, уж...

– Мне бы такого...

– Угу. И что бы ты с ним делал?

– Надел бы белую бурку, и как белый орел носился по кавказским горам.

– А зачем?

– Страх бы наводил.

– На кого?

– А, на всех. Люди бы говорили: «Вот, Базай пролетел, всем кирдык пришел!»

– И что дальше?

– А дальше я не успел придумать. А ты бы хотел иметь такого жеребца?

– Хотел бы.

– Пограничить ездить?

– Нет. Я бы бодигуардом к Аравийскому эмиру устроился на службу. Слышал я, что он очень вайнахов уважает и на службу в свое охранное агентство берет без испытательного срока.

– Ты бы не матерился по-гяурски! Что еще за гуарды?

– Тупой ты, Базай! Бодигуард – это телохранитель по-аглицки!

– А ты, когда по-ихнему толмачить стал?

– Я, в отличие от некоторых, кальян тупо не курю, а расширяю кругозор. Потому что цель имею.

– Это как?

– С купцами шелковыми общаюсь. Полезно это общение и к тому же языки новые узнаю.

Повисла пауза. Не понравилось Базаю, что Дурай его тупым назвал. Ой, как не понравилось.

А Дурай про себя подумал: «Тупой он, этот Базай. Никакого полета мысли и фантазии. Летчик-налетчик, хренов! Но ухо с ним надо держать остро. Того и гляди, кинжал в спину воткнет, молотилка кровавая!»

«Ох, и командир у меня, – внутренне закипая, напряг свои извилины Базай. – Не патриот и космополит! В Аравию он поедет в гуарды наниматься. На тот свет ты у меня поедешь! Вот отвернись только, сразу глотку твою паршивую перережу, как куршивому барану!»

Так, мысленно себя распалая, джигиты начали играть в «кавказские гляделки», которые здесь всегда предвещают готовящуюся поножовщину. Уже с обеих сторон метались угрожающие взгляды, как бы прошупывая противника, выискивая уязвимые места перед решающим выпадом.

Взрыв произошел неожиданно и одновременно. Квазимодо, испугавшись возни бурундуков, заржал, и оба джигита устремились в атаку друг на друга. Два кинжала достигли своих целей и одновременно вошли в горячие сердца, проткнув аорты Дурая и Базая.

Так они и остались лежать в пограничной сакле с воткнутыми в грудь кинжалами – бестолковый белый орел кавказских гор Базай и несостоявшийся телохранитель аравийского эмира Дурай. Время превратило их одежды в тлен, а тела в безобразные скелеты, которые однажды нашли археологи с родины Афони.

«Дикий народ, констатировал, рассматривая находку, старенький профессор. – Горцы, ни ума, ни фантазии, мля!»

Наш же замечательный жеребец Квазимодо, вокруг которого кипели все страсти, ничего этого не видел, хотя его конских мозгов и не хватило бы понять этих человеческих страстей, как не было ему дано понять и то, зачем его так нагло украли у классного парня Афони. Так он и стоял, в тоске и меланхолии, изредка разгоняя ржанием наглых бурундуков.

Однако скоро коню захотелось пить, но на водопой его никто выводить не спешил. Такое невнимание сильно разозлило Квазимодо. Да и кому понравится, когда тебя кусают блохи и оводы, в стойле воняет и очень хочется пить. Одним словом, доведенный таким обращением до крайней степени возмущения, жеребец ударил копытом по двери сарая, и та разлетелась в щепки, давая мерину свободу.

Оказавшись на воле, Квазимодо подумал, что настала пора найти своих друзей Афонию и Зигмунда. Понятно, что конь не кошка и даже не собака и дорогу к хозяину ищет совсем другими методами, но они, хвала создателю, у лошадей тоже есть. Поэтому, для начала жеребец вернулся к конюшне дербентского эмира, и, не почуяв там русского духа, поскакал, куда глаза глядят. На лошадиное счастье глаза Квазимодо глядели в ту же сторону, куда ушел караван. И через два дня наши путешественники встретились. К сожалению, конь не умел разговаривать по-русски, поэтому и не смог поведать друзьям всю описанную выше историю.

Бакы

Квазимодо нагнал караван в местечке Губустан. Купцы остановились на привал около каменных нагромождений, которые своей свалкой образовали причудливые гроты, арки и пещеры. Когда развели костер и приготовили шашлык, из темноты южной ночи появилась конская голова. Эта голова увидела Афоню и Зигмунда и радостно заржала.

– Квазимодо! – бросились к жеребцу путешественники.

Когда же встречные лобзания начали угасать, то друзья увидели, что позади коня шкериется еще одна, уже человеческая фигура. Медведь скрылся в темноте и через секунду своим пузом вытолкнул в круг света от костра субтильную фигуру паренька скандинавской внешности.

– Чей будешь? Как звать? Какого рожна шкеришься в темноте? – заинтересовались караванщики. – Уж не засланец ли бандитский?

– Сами вы говнюки, – парировал нападки паренек. – Ученый я! И звать меня Туром Хейердалом.

– А среди камней чего мышкуешь? – офонарел Зигмунд.

– Наскальные рисунки изучаю.

– И что наизучал?

– Да здесь лет с десятков тысяч назад, что-то типа Лувра было. Такое количество картин высечено. Я такого другого места еще не встречал.

– Ага, значит, ты бездельник-искусствовед? – Зашумели караванщики. – Лучше бы треску из Скандинавии в южные пределы возил. А то всю рыбку в Португалию гоните, а мы, как дураки, живем, не ведая вкуса тресковой печени.

– Нет, не торговый я агент и никогда им не буду, – обиделся юноша. – Я вот тут уже месяц тосаю и понял – все мои предки – викинги, пришли в Скандинавию именно отсюда...

– Да подь ты на фиг, – возмутился Зигмунд. – Ну, вот скажи, какого хрена люди по собственной воле подались бы с теплых Югов на холодный Север? Ну, там, последователей Заратустры – огнепоклонников, их понять можно. Они из Индии сюда пришли, потому что здесь горы горят, газ нефтяной через щели в породе выходит, нагревается и горит, как вечный огонь. Вот они и превратили Губустан в свою огнепоклонскую Мекку. Но ненадолго, мусульманы со своей верой подоспели и выперли этих пироманов обратно в Индию. Огнепоклонники могли, конечно, и накостылять мусульманам и остаться здесь у огненных гор, но им драться Заратустра не велит. Но ты объясни, местные-то, за каким таким делом на Севера бы подались. Может за длинным рублем, али из-за каких конфессиональных противоречий?

– Нет, это еще до межконфессиональных разборок было. То есть до рождества Христа, Пророка и Будды. Все дело в пассионарном толчке! – невозмутимо молвил молодой ученый. – Великое переселение началось от щелчка из космоса и... народы двинулись в путь. Это было, что-то похожее на удар невидимого бича и на веки вечные есть в этом переселении великая загадка мироздания. Если б тогда народ спросили, мол, какого хрена, как вы говорите? Они бы ничего вразумительного не ответили. Потому что и сами не ведали, зачем сорвались с насыженных мест и подались на Север. А далее все сдвинулось и пошло по спирали с центром в Восточной Европе. Этаким коловорот завертелся. Вот этот край спирали всеобщего движения народов аккурат Кавказ и зацепил. Так что лодки особого образца – драккары, судя по наскальным рисункам, стали делать именно на Каспии, а после переселения местные корабельщики оказались в Скандинавии и по традиции и заветам предков начали строить их на севере Европы, а себя стали называть викингами – великим мореходами. Не будь этой исторической коллизии, великими мореходами мои предки никогда бы не стали, и Америку не открыли бы задолго

до Колумба. Потому что на Каспии особо не развернешься – озеро оно и есть озеро, хоть и соленое, как море.

Все, слушавшие молодого потомка варягов, вошли в ступор, и вышли из него, лишь после того, как Зигмунд, который от этого, на его взгляд бреда, впал в сон, вдруг неожиданно громко всхрапнул.

– И куда дальше ты сам намерен двигаться? – поинтересовались караванщики.

– Ай, поеду сначала в Европу, потом в Африку. Одним словом, плот хочу построить в Америке, да по Тихому океану поплавать. Это меня один мореход, которого в эти места нелегкая занесла, надоумил. Звали его Марко Поло. Тоже великий мореплаватель.

– А то давай с нами в Индию или Китай. Там тоже до хрена интересного, – загалдели караванщики.

– Погодите, мужики, – встрепенулся Афоня. – У меня есть важный вопрос. Ты вот мотыляешься по свету, может, знаешь, где находится Шемахань?

– Не-а, – заявил Тур Хейердал. – Но могу точно сказать, что расположена твоя Шемахань не на берегу моря или океана, потому что все береговые линии я знаю очень хорошо.

– Жаль...

– Кстати, – подал голос один из караванщиков. – Так ты, брат, ее уже прошел. Она же рядом с Дербентом.

– Вот, едрён-батон!

– А чего тебе там натъ? – не унимался караванщик.

– Да обещался я одному нашему богатырю оттудова ихнюю царицу в жены привести. Ну, да ладно, на обратной дороге посватаю, а то мне бабу с собой в Индию тягать очень несподручно.

– Да и не денется она никуда, пока ты путешествуешь, – успокоил караванщик. – На фиг она кому нужна, эта отъявленная стерва и меркантильная нимфоманка.

Так за разговорами все улеглись спать...

А по утру умного юноши родом из викингов-варягов в лагере уже не оказалось. Наверное, в Африку пошел.

Афоня же на всякий случай проверил свои пожитки – не спер ли чего этот ночной гость. А то всякое бывает, вроде приличный с виду парень, а на самом деле, проснешься, а у тебя кошелек нет и фингал под глазом. Да, и наследственность у этих викингов разбойная. Никому верить нельзя. Особенно за границей.

Однако вещи все оказались на месте, даже никто не тронул бурдюк с коньком от Джабраила-оглы и склянкой любовной жидкости от Соловья-разбойника.

И караван двинулся в Персию.

Шамахи

А тем временем Карла весь оборванный и уставший достиг одного из красивейших городов восточного Кавказа – города Шамахи, столицы Ширванского царства, резиденции Ширван-шахов.

Над всем великолепием этого богатого центра восточной культуры, места жительства знаменитых поэтов, писателей и сказителей, славящегося своими шелковыми коврами величественно возвышалась крепость Гюлистан, где и жил местный шах со своей строптивой и прекрасной дочерью Гузель – шамаханской царевной.

Конечно, Карла сюда не стремился, он старался догнать Афонию, но запутанные горные дороги вывели его именно сюда.

Вот, где Афанасий должен был сосватать красавицу для Алеши Поповича, но, видно не пришло ему еще время выполнить просьбу русского богатыря.

Карла покрутился на местном базаре, стырил пару лепешек, новый халат и чалму (а это он умел делать виртуозно), после чего, умывшись в горном ручье, появился на пороге местного элитарного литературного хостела «Луноокая Гузель».

Он быстро сообразил, что здесь на халяву живут разного рода бездельники, выдающие себя за литераторов. Хостел организовала дочка шаха, а ее папаша щедро финансировал это предприятие, потакая всем увлечениям своей девочки.

Карла обладал необходимыми знаниями общения на фарси, и потому понял, что именно сегодня начинаются Дни сказателей – литературное соревнование среди поэтов и прозаиков. Победителю светил приз в виде холеного скакуна, мешка золотых монет и еще много чего по мелочи в виде: расписанного звездами халата, шелковой чалмы, кинжала дамасской стали, четок из красного дерева, сафьяновых чуваков и посещения на одну ночь лагеря ассасинов, где, как было сказано в программке, победителя ждут неземные – райские удовольствия.

Местные и пришлые литераторы слонялись по двору хостела и, закатывая глаза, бубнили себе под нос разные рифмы, что-то записывали на пергаментках, а многие просто с аппетитом жрали яства с расставленных здесь же столов. А пожрать было чего: и мясное, и мучное, и овощное, и рыбное, и всякое другое, чем была богата Шамаханская земля.

Карла подобрался к одному молодому человеку, одетому в греческую тогу и с распущенными по плечам черными кудрями. Паренька звали Софокл. С ним почти, как с земляком, Карла быстро нашел общий язык, и грек занес имя своего нового товарища в список участников литературного марафона.

Суть творческого состязания заключалась в том, что победителем становился тот, чье повествование вызовет слезы у шамаханской девицы – дочери шаха.

Вот ведь разница какая, на Руси все царевны – несмеяны, их добрым молодцам рассмешить надо, а на Востоке, подишь ты, заставь красотку заплакать... Вот, разбери, почему? Толи у них на Востоке повседневная жизнь такая развеселая, что для полноты и гармонии жизни им слез не хватает, то ли у нас на Руси народ постоянно по колено в слезах ходит и однажды посмеяться от души за великое счастье считается. Загадка, однако... русской души.

К вечеру в хостел стали съезжаться местные вельможи с семьями. А потом и сам шах шамаханский с дочкой заявили. Литераторы начали выходить на сцену и читать свои душещипательные произведения.

В качестве рефери выступал сам шах, который ради чистоты соревнования прилепил дочке под глазами по кусочку туалетной бумаги и, если вдруг растроганная слезинка выкатится из прекрасных глаз царевны, то, стало быть, проняло красавицу, да так, что теперь не отвертишься.

Сама же Гюзель Шамаханская на сентиментальную особу не сильно смахивала. Это была скорее язвительная и ироничная девица, которая в процессе состязания отпускала колкие резюме в адрес сюжета читаемого произведения, а зачастую и самого литератора. Пикантности этому литературному ристалищу придавало то обстоятельство, что все проигравшие писатели на год поступали в рабство к шаху и как говорили вокруг, еще никто после этого года из неволи не воротился.

После того, как Карла услышал, какую пургу несут местные инженеры человеческих душ, он понял, что сегодня армия рабов шаха изрядно пополнится.

Тем временем на сцену вышел Софокл. Со свойственной грекам пафосностью он сразу начал нагонять на слушателей героическую тоску.

История была про двух братьев Полиника и Этеокла. Один защищал город Фивы, а другой наоборот всех предал и перешел на сторону агрессора. Предатель Полиник был убит, и царь Фив Креонт запретил хоронить коллаборациониста. На это не смогла пойтить его сестрица Антигона. Креонт снова рассердился, теперь уже на непослушную девицу, да так сильно расстроился из-за этих непутевых детей, что велел замуровать девку в скале. Но Антигона поразмыслила и решила, что ей нет никакого форта париться среди камней. Кому понравится света белого не видеть, да еще и без косметики и смены белья? И решила она свести счеты с жизнью, и тем самым насолить жестокому Креонту (вот дура!). А ее аккурат любил сын царя Гемон, который тоже заколол себя, так как без Антигонушки все тот же свет белый ему показался серым. Очень из-за этого расстроилась его мать – царевна Фив Эвридика и тоже наложила на себя руки.

Одним словом, все умерли кроме царя, у которого от такого всеобщего суицида случился поморок, и он понял, что есть он тварь дражащая перед Богами, а не человек, как он раньше о себе думал.

Рассказывал эту историю Софокл путано и долго. Гюзель вся изъерзалась на своем троне и в конце повествования спросила:

– Так я не поняла, чего они все счеты с жизнью-то сводить начали?

Обескураженный таким поворотом Софокл пояснил:

– Как же – трагедия, конфликт между родовыми законами и законами государственными, вот в чем проблема вопроса...

Гюзель зевнула и бросила отцу:

– Папа забирай еще одного раба, на пустом месте трагедию создает, сильно умный. А я таких умников не очень-то люблю, от них одни метания в народе и, не дай Бог, революции случаются. Зачем нам в Шамахины революции, пусть уже побатрачит, вместо того чтобы смуту в умах шамаханских сеять. Следующий!

А следующим в списке соискателей шамаханской литературной премии значился «Карло из Милана», о чем и сообщил евнух-конферансье.

Карла уже понял, что царевну надо брать особой жестокостью, а иначе ничего не выйдет. А что может быть жестче, чем средневековые европейские сказки? Ничего, кроме инквизиции, которая эти сказки воплощала в жизнь. Карла полез на сцену.

Решил он вспомнить все истории, какие ему рассказывали в детстве. Не те, которые потом разные деликатные Перро и братья Гриммы обтесали в угоду общепринятой морали, а те, которые родились в народе во времена дремучего средневековья, когда царили голод, чума и дикие нравы народов, населявших Старый свет.

Попурри на европейские народные сказки

объединенные изощренным умом иезуитского шпиона Карло Сфорци, рассказанные им для Шамаханской царицы на литературном конкурсе ее же имени

«Однажды послала одна деревенская фрау свою дочь в соседнюю деревню к бабушке. Это и понятно, самой-то идти было лень. Нарядила ее в красный шаперон и перекрестила на дороге. Девочку в лесу заметил волк, а кто бы ее не заметил в красном плаще, и стал привязываться к ней с разными пространными разговорами, как если бы он был не волк, а полицейский, а перед ним не девочка в красной накидке, а уличный драг-дилер. Куда, мол, идешь и зачем, дайте на Ваш мандат поглядеть, вдруг, он просроченный? Ну, девочка все про бабулю свою одинокую и выложила. А волк сообразил тогда, что пока красный шаперон бродит лесными тропами, он успеет навестить пенсионерку и приготовить из нее вкусное жаркое, а домик ее потом можно приватизировать и потом сдавать его под офис местным фарцовщикам. Так и сделал.

А Девочка – Красный шаперон пошла дальше петлять между пней и болот. Навстречу ей попались два малыша: Грензель и Гретель, и они рассказали девочке свою историю. Как оказалось, малыши подслушали однажды разговор своих матери и отца, которые помирая от голода, решили съесть своих детей. Испугались дети и убежали в лесу. Потом вернулись, однако настроение у их родителей, как и их намерения, не изменились. Они снова убежали в лес, где заблудившись, набрали на домик из хлеба. В том домике жила лесная колдунья. Брат с сестрой обманули ведьму и зажарили ее в печке и вот теперь идут домой к родителям, чтобы угостить их жарким из колдуньи и хлебом из ее домика. Красный шаперон сняла пробу с варева из колдуньи, одобрила кулинарные способности брата и сестры, и пожелав им счастья в семейной жизни, пошла дальше.

Шла она, шла, и вспоминала историю про другую девочку из соседних земель. Та вообще была принцессой, но злая мачеха решила ее убить и съесть за обедом. Однако принцессе удалось убежать в лес, где она поселилась у семи духов. Но злая мачеха все же подсунула ей отравленное яблоко. Духи сильно расстроились и выставили хрустальный гроб с принцессой на горе для всеобщего горевания. Мимо как-то ехал один королевич, и так ему глянулась мертвая девушка в гробу, что он решил взять ее в свой замок. Пока он торговался с духами о цене покупки, гроб упал и разбился. От удара об камни у принцессы из горла выпал кусок отравленного яблока, и она ожила. Про то понравилась ли королевичу уже живая принцесса, Красный шаперон подумать не успела, вспомнила только, что царице, которая хотела съесть принцессу, на ноги надели раскаленные железные башмаки и заставили плясать на горячей жаровне, пока та не умерла.

Когда девочка представляла, как пляшет на жаровне коварная царица, и в этот момент у нее произошла еще одна встреча.

Навстречу из кустов к ей выползли две девицы с отрубленными ступнями. «Что за фигня с вами приключилась?» – спросила Красный шаперон. И девицы ей поведали свою историю. Они жили в довольно состоятельном доме с матерью и отчимом. Еще в доме жила их сводная сестра – дочь отчима от первого брака – Ашенпутель. Сестры постоянно ездили на бал к королю, однако Ашенпутель с собой не брали, так как девушки сильно проигрывали ей по сексуальным параметрам, а чтобы еще больше над ней покуражиться заставляли ее работать по дому: мыть туалет, сортировать семена и давить блох у цепного пса. Кому нужна конкурентка на дискотеке?

Однажды Ашенпутель пошла на могилу своей матери и пожаловалась на сводных сестер. Из могилы вышла ее мать-зомби и вручила своей несчастной дочке красивое платье

и туфельки, в которых та тайно пошла на бал во дворец. Перед ее сексуальностью не устоял тамошний принц, да так стал недвусмысленно ее домогаться, что в первый раз Ашенпунтель пришлось спасаться от его гиперсексуальности на груше, а во второй раз на голубятне. Однако принц изрубил сначала дерево, а потом и голубятню.

Такими выходками Ашенпунтель так распалила принца, что тот решил, во что бы то ни стало, изловить ее и для этого смазал дворцовую лестницу смолой. Девушка, в общем-то, была не против приставаний принца, да вот только мама-зомби давала ей наряды не совсем, а только во временное пользование, а срок аренды бального платья и белья истекал в полночь, и ей обязательно надо было вернуть весь гардероб на кладбище. Именно поэтому в самый неподходящий момент убегала, когда домогания царственного юнца должны были уже переходить к физическому контакту. Она была вынуждена убегать, чтобы принц не увидел на ней после двенадцати ночи не кружевные стринги, а некрасивые сатиновые трусы, от вида которых может пропасть эрекция даже у Джакомо Казановы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.